

ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОЦИЙ В СРЕДЕ ПРОЛЕТАРИАТА ГОРОДОВ КУБАНИ И ДОНА В 1920-1930 ГОДЫ Перов С. С.

*Перов Сергей Сергеевич / Perov Sergey Sergeevich – аспирант,
кафедра отечественной истории, факультет истории, социологии и международных отношений,
Кубанский государственный университет, г. Краснодар*

Аннотация: *статья посвящена формам выражения эмоций в ранней истории СССР. Своеобразное положение рабочего класса создало особую социальную общность, в рамках которой пролетариат имели возможность относительно свободно выражать свои чувства. В провинции это было особенно заметно. Статья подробно описывает различные особенности эмоционального убежища в советской промышленности регионов Юга России. Она демонстрирует изменения отношения власти к выражению рабочими эмоций, от терпимости до неприятия. Вывод из работы заключается в том, что роль эмоционального убежища в советской индустрии на протяжении первых десятилетий советской власти менялась, при этом сохраняя основные черты.*

Ключевые слова: *рабочие, история эмоций, повседневная жизнь, советская индустрия.*

Один из крупнейших специалистов по истории эмоций, Уильям Редди, предложил назвать места «нетипичного для данной эпохи выражения чувств» особым термином «эмоциональные убежища» [7]. В таких убежищах человек мог временно отдыхать или даже надолго скрываться от господствующих, предписываемых обществом норм проявления и выражения эмоций. Эмоциональные убежища на протяжении истории могли быть организациями, общественными институтами, системами горизонтальных и вертикальных связей социума или социальными группами.

Известная британская писательница Памела Треверс вместе с делегацией профсоюзов Британии посетила советскую тюрьму в начале 1930-х годов, дав яркий пример описания эмоционального убежища. В дневнике она записала: «Несмотря на грязь и невзрачность обстановки, лица заключённых сияли радостью. Антиобщественный поступок, который привёл этих людей за решётку, стал для них глотком свободы, позволив вырваться из общей массы. Проявление индивидуальной воли, видимо, воспринимается в России так же, как приступ запоя на Западе: это огонь, который очищает» [3].

Особенность довоенного советского общества заключалась в том, что относительно свободной от эмоционального принуждения социальной группой в СССР являлся рабочий класс. Это было связано со своеобразным статусом индустриального пролетариата СССР – правящего класса и самого прогрессивного слоя населения с точки зрения марксистской теории.

Советский рабочий класс имел значительные преимущества по сравнению с остальным населением страны. Рабочие были очень мобильны, имея возможность свободно менять место работы до 1940 года, намного лучше снабжались продовольствием и другими товарами, долго сохраняли значительные по объёму элементы внутренней демократии (от права на стачку до реально работающих профсоюзов), номинально осуществляли управление государством и даже имели в этом привилегии, так, один голос рабочего при выборах в советы равнялся нескольким голосам крестьян. Подобно любимым детям в семье, рабочие советского государства могли быть довольно непосредственными в выражении эмоций. Но это таило в себе определённую сложность для власти, так как индустрия стала привлекательной для разного рода антисоветских элементов.

Как отмечал О. Л. Лейбович, как ментальность, так и самоидентификация в провинциальной рабочей среде за весь послереволюционный период изменилась не столь уж сильно [2]. Советская промышленность, зона относительной стабильности и комфорта в быстро меняющемся обществе, стала привлекать «бывших людей», представителей весьма многочисленных и разнообразных социальных групп, подвергавшихся притеснениям в советском государстве. Заводы и фабрики оказались теми местами, где любой человек – кулак, казак, офицер белой армии, петлюровец, троцкист, сын священника, член семьи фабриканта или человек, осуждённый за контрреволюционность, – все они могли полноценно жить и плодотворно работать на производстве, свободнее выражать свои эмоции.

После реформ 1924 года основным регионом Юга РСФСР стал Северо-Кавказский край, а наиболее промышленно развитые его территории – Дон и Кубань, в 1937 году были выделены в отдельные регионы – Ростовскую область и Краснодарский край. На этих территориях процессы формирования эмоционального убежища имели свою специфику, связанную с меньшим количеством пролетариата, антисоветским бегством, важным географическим положением.

Н. А. Быков, описывая занятия антисоветски настроенных слоёв общества в этом регионе, сообщал: «В Ростове в это время скрывалось очень много казаков, которые работали на заводе «Красный Аксай», а позже и на заводе «Ростсельмашстрой». Под видом «музыкальных репетиций и устройства концертов» они собирались и, «как говорили на Дону, «шушукались», то есть шептались, изливая свои горести и

обида, и не теряли надежды, что когда-нибудь настанут хорошие денёчки и на их стороне». Участники таких встреч рассказывали, как они «саботировали работу, вредили на заводах и фабриках и радовались как дети, когда им удавалось хоть чем-то насолить большевикам» [1, с. 27]. Поведение на таких встречах контрастировало с категорическим неприятием вредительства на производстве, предписанном официальной идеологией [4].

Несмотря на общепринятый тезис «Труд – это подвиг» и отрицательное отношение власти к «правооппортунистическим разговорам о том, чтобы поменьше работать и побольше зарабатывать» [13, л. 87а], рабочие могли гласно обсуждать вопрос норм и тарифов, шумно выражать своё недовольство сложившейся практикой повышения первых и снижения вторых. Заводское начальство было вынуждено не только использовать силу авторитета и действовать в приказном порядке, но и аргументировать свою позицию, ведя публичные беседы, а также апеллируя к справедливости и патриотическим чувствам сотрудников. Спецслужбы отмечали «засорённость» советской промышленности «антисоветскими, социально-чуждыми и подозрительными по шпионажу и диверсии элементами».

Рабочие открыто проявляли свои отрицательные эмоции. Так, шофёр заготконторы в Краснодаре «ушёл с работы и напился пьяный», потом вернулся и стал «буянить», за что был «не допущен к выполнению своих обязанностей». После этого «начальник конторы посоветовался с парторгом – как, мол, быть, хороший парень, объявили ему выговор». В процессе обсуждения дела выяснилось, что шофёр в прошлом несколько раз за год произвольно менял место работы [9, л. 38].

Власть предписывала ряд ритуальных форм выражения эмоций при проведении общественных мероприятий. Например, общие собрания рабочих Новороссийска «клеями позором» политику премьеры царской Болгарии А. Цанкова [11, л. 5]. На цемзаводе «Пролетарий» девятого октября 1927 года было устроено собрание в честь юбилея – «восьмилетия с начала зелёного движения». Там прозвучал весьма характерный лозунг «Долой нытье перед встретившимися трудностями!» [12, л. 1].

Рабочие СССР считали себя людьми, имеющими право на честный и открытый диалог с руководством. Они просили аргументированных и внятных ответов, и власть часто старалась удовлетворять их желание. Публичное выражение отрицательных эмоций не приветствовалось, но допускалось в определённых ситуациях, например, на партсобраниях. Организация ВКП(б) на заводе «Судосталь» в Новороссийске 14 июня 1923 года обсуждала вопросы, волновавшие рабочих. «Многие товарищи за углом толкуют, что ответработники ездят в командировки и каждый раз привозят то новый костюм, то обновку жене», – жаловался один из них. Коллектив предприятия выражал недовольство поведением начальника партячейки, указывая, что «тов. Никитин заискивает перед вышестоящими товарищами для того, чтобы занять вышестоящую должность». Сам Никитин публично оправдывался перед рабочими: «Я никогда к тому не стремился и не стремлюсь». Он эмоционально призывал своих товарищей «выявить вот все эти кривотолки сегодня». Никитин требовал нормализации отношений в трудовом коллективе предприятия. Он требовал «чтобы у нас среди членов фракции ВКП (б) не было натянутых отношений и была товарищеская спайка и товарищество отношения друг к другу». Руководство предприятия поддержало его позицию.

Как говорил партиец Коненко, «хотя слухи как среди партийных, так и среди беспартийных, что стоящие во главе завода оторвались от масс, то есть забюрократились». Это обвинение звучало весьма убедительно. Коненко пытался успокоить массы, указывая на то что «это всё мелочные разговоры, ни на чём не основанные, это не что иное, как зависть». Он ссылаясь на собственный опыт, заявляя: «Когда я был в завкоме, на меня тоже были нарекания, что я как будто не защищаю интересы рабочих». Выступление в таком стиле прекратило конфликт [11, л. 2].

Рабочие считали возможным публично требовать от всех органов власти надлежащего исполнения положенных обязанностей и даже использовать законы в своих интересах. Так, на совещании Краснодарского партактива в 1930 году инженер Коробейников критиковал рабочих-летунов: «Они не являются на работу по пять-шесть дней, а затем приходят на завод и требуют уволить как прогульщиков, так как есть, мол, такой закон. Товарищеские суды ни к черту не годятся. Нужно отбирать партбилеты и выгонять из профсоюзов. Не должно быть никакого нянчания с этими рабочими» [13, л. 105].

С краснодарского завода имени Седина «выгнали откровенного бракодела», но он обратился к инспектору по труду и его «восстановили через суд» [15, л. 38]. С другой стороны, «незаменимых» рабочих и руководство предприятий старалось защищать от увольнения или иных отрицательных последствий всеми возможными способами [13, л. 37]. Станочники по своему желанию за полгода меняли пять-семь предприятий, подыскивая себе благоприятные условия [15, л. 37].

«С таким народом очень трудно работать», сообщал один из инженеров. Рабочий мог жаловаться на отсутствие квартиры и просить уволить его. Администрация не имела возможности выполнить эту просьбу и отпустить, так как рабочий был высококвалифицированным. После такого сотрудник завода без оглядки на указание свыше уходил [15, л. 20]. Пролетариат выражал эмоции по поводу положения в народном хозяйстве страны и порой делал это весьма бурно. Так, рабочие Майнефти устроили

забастовку, будучи недовольными недостаточной активностью частника – арендатора нефтяных промыслов [9, л.116].

Роль эмоционального убежища в индустрии изменялась вместе с изменением положения советского пролетариата на протяжении всего межвоенного периода. Рабочие 1920-21 годов могли продуцировать свои эмоции в политическую жизнь напрямую, например, избирая в органы власти представителей небольшевистских партий. На всём протяжении НЭПа рабочие имели возможность полноценно выражать свои эмоции множеством способов, например, косвенно влиять на политику, «прокатывая» нелояльных им кандидатов в местные органы власти и профсоюзы. После начала индустриализации мягкое отношение к тем, кто выражал отрицательные эмоции, стало заменяться различными формами давления. В итоге к концу второго десятилетия советской власти социальная жизнь рабочих оказалась полна различных ограничений.

В 1940 году на совещании в горкоме Краснодара партийцы уже сурово грозили рабочим: «Дезорганизация, халатное отношение к производству есть государственное преступление» [14, л. 57]. Тех, кто был обвинён в дезорганизации, а также прогульщиков и прочих нарушителей дисциплины, стали приговаривать к тюремному заключению [14, л. 14]. Угроза применения административных мер и усиление роли администрации предприятий заставили рабочих подчиняться принятым в советской стране формам выражения чувств.

К началу войны формы выражения эмоций в советской индустрии оказались ограничены, и это нанесло сильный удар по сформировавшемуся эмоциональному убежищу. Однако частично оно продолжало существовать и после войны, сыграв определённую роль в истории послевоенного советского общества.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 14-01-00239а «Чувства под контролем: повседневность провинциального города 1920-1930-х годов в ракурсе культурной истории эмоций».

Литература

1. *Быков Н. А.* Казачья трагедия / Н. А. Быков. Нью-Йорк: Изд-во Быкова, 1959. 153 с.
2. *Лейбович О. Л.* В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40-50-х гг. / О. Л. Лейбович. М.: РОССПЭН, 2008. 295 с.
3. *Мяэтс О.* Мэри Поппинс в стране большевиков. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.medved-magazine.ru/articles/Mery_Poppins_v_strane_bolshevikov.2912.html/ (дата обращения 23.11.2015).
4. *Орлова Г.* Рождение вредителя: отрицательная политическая сакрализация в стране советов (1920-е). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://urokiistorii.ru/obraz-vraga/2010/24/vreditel/> (дата обращения: 23.08 2015).
5. *Сабодаш А.* Двадцать пять лет в Советском Союзе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://world.lib.ru/s/sabadosh_a/szabadosmemoirdoc.shtml/ (дата обращения: 23.05 2013).
6. *Симонов Н. С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://militera.lib.ru/research/simonov_ns/03.html/ (дата обращения: 13.09 2015).
7. *Reddy W. M.* The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions / W. M. Reddy. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 396 p.
8. Выдержки из документов о нефтяной промышленности края // Государственный Архив Краснодарского края (ГАКК). Ф.Р-1547. Оп. 1. д. 61.
9. Протоколы заседаний фракций РКП(б), отчёты организации на заводе «Красная Судосталь», союза металлистов и парткома // Центр Документации Новейшей Истории Краснодарского края (ЦДНИ КК). Ф. 9. Оп.1. д. 327.
10. Протокол торжественного заседания цемзавода «Пролетарий» по поводу 8-летия красно-зелёного движения // ЦДНИ КК. Ф.9 . Оп. 1. д. 807.
11. ЦДНИ КК. Ф. 12. Оп. 1. д. 28.
12. ЦДНИ КК. Ф.1072. Оп. 1. д. 42.
13. Стенограмма заседания городского партактива Краснодара 12 августа 1940. // ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. д. 1432.
14. Стенограмма совещания хозяйственников Краснодара о выполнении указов от 26 июня и 10 августа 1940 года// ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. д. 1439.